

Иконография игуменьи Марии

Исследование портретов игуменьи Марии (М. М. Тучковой) проводилось в связи с созданием в 1994 г. экспозиции «Дом игуменьи Марии» на территории Спасо-Бородинского женского монастыря. Именно в этой экспозиции в значительной мере представлен рассматриваемый иконографический материал. В результате были выявлены, описаны и проанализированы живописные, графические и фотографические портреты из собрания Бородинского музея-заповедника и Государственного исторического музея (фонд ИЗО). Среди них есть довольно известные, малоизвестные и неизвестные изображения основательницы и первой настоятельницы Спасо-Бородинской обители.

Образ игуменьи Марии, в миру Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной (1781 — 1852), всегда волновал сердца россиян, небезучастных к истории отечества, к истории Русской Православной Церкви, к воинскому подвигу и христианскому подвижничеству во имя светлой памяти героев, павших на поле брани у села Бородино в 1812 г. У людей, приезжающих в Бородино, возникает естественное желание узнать как можно больше об этой удивительной женщине, увидеть то место, где она жила и скончалась, увидеть ее личные вещи и портреты, хранящие печать земных радостей и печалей.

Уже во второй половине XIX в. у почитателей основательницы Спасо-Бородинского монастыря, у ревнителей Отечественной войны 1812 г. возникло желание осветить в печати жизненный путь игуменьи Марии. Небольшие по объему доступные издания, выполнявшие большей частью роль путеводителей, необходимы были в первую очередь многочисленным путешественникам и паломникам, отправлявшимся экипажем или поездом на Бородинское поле.ⁱ

К 100-летию Отечественной войны 1812 г. также вышло несколько подобных изданий, в которых достойное место отводилось игуменье Марииⁱⁱ. Почти во всех этих публикациях, некогда популярных, а теперь редких, говорится о портретах игуменьи, находившихся в Спасо-Бородинском монастыре, — в ее доме, в доме последующих настоятельниц. Но только в двух изданиях (Т. Толычевой и А. А. Брайковского) воспроизводятся портреты игуменьи, правда, без указания местонахождения оригиналов. И ни в одном из этих дореволюционных изданий не описывается ни один из портретов игуменьи, не указывается их авторство. В капитальном и авторитетном труде Великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII—XIX столетий» воспроизводится живописный портрет (фототипия) игуменьи Марии из собрания Московского исторического музея, дается интересная биографическая справка, но сам портрет не описываетсяⁱⁱⁱ. В других дореволюционных изданиях справочно-каталожного характера портреты игуменьи Марии не упоминаются^{iv}. Вряд ли в советский период кто-то из исследователей занимался иконографией основательницы Спасо-Бородинского монастыря. Только в последнее время появилось несколько публикаций ее живописного портрета из фондов ГБМ^v, который с 1989 по 1992 гг. впервые экспонировался на выставке реликвий Бородинского музея-заповедника во Владимирском соборе Спасо-Бородинского монастыря, а затем на выставке в Центральном доме художника (г. Москва), посвященной 180-летию Бородинской битвы. Из перечисленной скудной библиографии, тем или иным образом касающейся иконографии игуменьи Марии, можно сделать только один вывод: портреты ее чрезвычайно редки и малоизвестны. Такое заключение подтверждает и тот факт, что выявленные автором в фонде ИЗО ГИМ два превосходных живописных портрета игуменьи, по свидетельству научных сотрудников фонда, никогда и никем не исследовались, не экспонировались и не публиковались, за исключением одного, опубликованного еще в 1908 г. Великим князем Николаем Михайловичем (см. выше). Этот портрет игуменьи Марии по своим художественным достоинствам представляет наибольший интерес из всей ее иконографии, известной нам на сегодняшний день (ГИМ 3254/ 1895/ИИ-675, холст, масло 60x47 см).

Игуменья Мария изображена по пояс, в черном монашеском одеянии с большим наперсным крестом, почти в фас, с легким поворотом головы и фигуры

влево. Левая рука с четками покоится на балюстраде или постаменте с беломраморной вазой, обвитой плющом. Кисть правой руки спокойно лежит на предплечье левой. Фоном портрета являются темные и густые ветви старой ели. На этом нейтральном фоне лицо стареющей игуменьи в аскетическом облачении сразу приковывает к себе внимание сложностью психологической характеристики. Его не назовешь красивым, но оно хранит следы былой «прекрасной Маргариты», выдает сильную личность, способную на самопожертвование. Взгляд больших печальных глаз устремлен прямо на зрителя. В этом взгляде и безграничная тоска, и смирение, и мольба, и доброта. Весь облик игуменьи как будто излучает свет и тепло, невольно вызывает сочувствие, сопереживание, уважение. Вся эта сложная гамма чувств мастерски передана талантливым безымянным художником первой половины XIX в. Несомненно, портрет писался с натуры в 40-е годы прошлого века, возможно в Спасо-Бородинском монастыре^{vi}.

К сожалению, остается загадочным происхождение этого портрета. В книге поступлений ГИМ (КП № 675), заполненной еще в 30-е годы, графа «источник поступления» осталась пустой, без записи, поэтому в инвентарной карточке на портрет читаем малоутешительное: «Источник поступления неизвестен». Вначале было сделано предположение: не происходит ли этот портрет из Спасо-Бородинского монастыря после его закрытия в 1929 г.? Уж очень он напоминает по своей композиции и образному строю портрет игуменьи, находившийся в ее доме, в кабинете, часть интерьера которого (с портретами) запечатлена на старинной фотографии. Но от этой заманчивой версии пришлось отказаться: уже в 1908 г., т. е. в начале XX в., портрет находился в собрании Московского исторического музея, о чем упоминает Великий князь Николай Михайлович. Следовательно, в дореволюционное время он тем более не мог попасть в фонды Московского исторического музея из Спасо-Бородинского монастыря. Бородинский портрет, судя по фотографии, являлся очень близким к московскому во всех отношениях. Возможно, рассматриваемый портрет попал в Московский исторический музей от родственников игуменьи, о чем косвенно свидетельствует второй живописный портрет игуменьи Марии также из фондов ГИМ.

Этот портрет (ГИМ 3254/1895/И 1-675), картон, масло, 25x18,5 см) написан также неизвестным художником, датируется 30-ми годами прошлого века. Учитывая то обстоятельство, что инокиня Мелания (Тучкова) была возведена в сан игуменьи в 1840 г., портрет можно датировать более точно — началом 40-х годов. Действительно, на этом небольшом портрете игуменья выглядит несколько моложе, чем на предыдущем. Малый формат портрета обусловил его камерное, интимное решение. По своему типу он близок литографированному портрету игуменьи (оригинал неизвестен), воспроизведение которого можно видеть в экспозиции «Дом игуменьи Марии», а так же во втором репринтном издании книги Т. Тольчевой на фронтисписе^{vii}.

На поколенном живописном портрете игуменья Мария изображена почти в фас, в черном монашеском одеянии, клобуке, с распятием, висящим на золотой цепи. В правой руке — небольшая открытая книга, в левой — четки. Взгляд устремлен на зрителя, но в бледном лице с большими зеленоватыми глазами нет сложной гаммы чувств, свойственной предыдущему портрету. В нем больше самоуглубленности, созерцательности, умиротворенности. Интимную характеристику портрета дополняет рассеянная, мечтательная и грустная улыбка. Да, такой портрет мог принадлежать родственникам или близким игуменьи, о чем речь пойдет ниже.

На обратной стороне портрета по картону сделана надпись чернилами: «Вдова генерала Тучкова, убитого при Бородине, которая основала Бородинский монастырь». Из инвентарной карточки узнаем, что портрет в 20-е гг. нашего столетия был передан в ГИМ из фондов Военно-исторического музея, коллекции которого в то время, по-видимому, расформировывались (Инв. 2458/1—81).

Каким же образом портрет попал в фонды Военно-исторического музея? Ответ на этот вопрос частично дает другая полустертая надпись на тыльной стороне портрета, сделанная карандашом по листу картона, который прикрывает предыдущую надпись. Вот что там написано: «Генеральша Тучкова, основательница Бородинского монастыря, его Игуменья, вдова убитого при Бородине генерала Тучкова. Принадлежал с 1901 г. Сергею Николаевичу

Нарышкину». Сразу возникает несколько вопросов: кому принадлежал портрет до 1901 г., когда и от кого поступил он в фонды военно-исторического музея? Кто такой С. Н. Нарышкин? Все вопросы остаются пока открытыми. Последний вопрос дает основание предположить, не является ли упоминаемый С. Н. Нарышкин родственником М. М. Тучковой, урожденной Нарышкиной? Если это так, то принадлежность портрета родственникам игуменьи очевидна.

Теперь обратимся к живописному портрету игуменьи Марии работы неизвестного художника из фондов Бородинского музея-заповедника (ГБМ—1867/Ж—71, холст, масло, 69х58 см), который также имеет свою интересную историю. Портрет поступил в фонды музея в 1967 г. как дар отца Бориса (Пономарева), настоятеля можайского храма Ильи Пророка. По словам о. Бориса, портрет принесла в храм в те же годы одна из бывших послушниц Спасо-Бородинского монастыря, которая, можно сказать, спасла его от гибели в лихолетье 30-х годов. Портрет был сильно затемнен, просматривалось только лицо игуменьи, детали же были неясны. Поэтому решено было его реставрировать, что и было сделано в 1969 г. специалистами реставрационных мастерских им. И. Э. Грабаря. Неудивительно, что после реставрации, после расчистки о. Борис не узнал подаренный им портрет. Конечно, остается только сожалеть о том, что в свое время не была сделана фотофиксация портрета до реставрации, в результате которой обнаружились, открылись интересные детали. Во-первых, следует заметить, что бородинский портрет (будем называть его так) близок как по формату, так и по композиции фигуры, московскому, с той лишь разницей, что голова и клобук игуменьи в московском портрете имеют несколько больший наклон вправо, указательный палец левой кисти в бородинском портрете более согнут (в московском он почти прямой), крест наперсный в бородинском портрете виден полностью, а в московском его нижняя часть скрыта рукавом левой руки. Ваза с веткой плюща и постамент одинаковы в обоих портретах, но фоны портретов совершенно различны. Вместо ветвей ели видим на бородинском портрете за спиной игуменьи темно-зеленую драпировку, тяжелыми складками спадающую с перил балюстрады, далее — фрагмент колонны с каннелюрами и сложного профиля базой. За колонной вдаль, на горизонте, на фоне розово-голубого неба, — памятник, в котором легко угадывается Бородинский монумент на батарее Раевского.

Образ игуменьи трактуется по-иному: он более сдержан и строг, более аскетичен. Архитектурный фон портрета с драпировкой придает ему черты парадности, особой возвышенности. Судя по живописной манере, по технике исполнения, портрет никак нельзя отнести к первой половине, даже к середине XIX в. Манера письма, для которой характерны обобщенный мазок без тонкой нюансировки цвета, локальные цветовые пятна с четким контуром, отсутствие передачи свето-воздушной среды, говорит о том, что портрет был написан на рубеже XIX—XX вв. Безусловно, портрет исполнен мастерски, но от него веет уже другой эпохой, эпохой приближающегося модерна и неоклассицизма. Учитывая необыкновенную схожесть обоих портретов по композиции и рисунку, можно сделать предположение, что за основу бородинского портрета был взят московский. Но безымянный художник рубежа веков, сохранив в значительной мере прежнюю композицию, конкретизировал портрет, «привязал» его к Бородину, изобразив на его фоне Главный монумент. Судя по датировке, предложенной автором настоящей статьи, вряд ли этот поздний портрет игуменьи Марии мог находиться в ее доме. В ее кабинете наверняка висел прижизненный портрет, написанный с натуры. Кстати, о. Борис, со слов бывшей послушницы монастыря, рассказал о том, что наш бородинский портрет всегда находился в трапезной церкви Иоанна Предтечи, и что сестры монастыря, приходя на трапезу, неизменно прикладывались к нему, чтя память основательницы обители.

Говоря о графических портретах игуменьи Марии, с сожалением приходится констатировать, что в крупнейшем в России собрании графики, каковым является коллекция ГИМ, нет ни одного ее изображения. Автором были просмотрены все графические портреты на Нарышкиных, на Тучковых, на деятелей Русской православной церкви — тщетно. Тем не менее, хочется упомянуть о двух

графических портретах игуменьи, опубликованных в качестве фронтисписов в упоминаемых выше изданиях Т. Толычевой и А. Брайковского^{viii}. Причем, в издании Т. Толычевой мы имеем дело с оригинальной гравюрой на стали неизвестного автора очень хорошего качества. Небольшой овальный портрет игуменьи Марии выглядит изящной миниатюрой: погрудный, в три четверти вправо, с легким наклоном головы. Игуменья традиционно изображена в монашеском одеянии. Перед нами предстает реалистический образ пожилой женщины с некрасивым лицом, ясным, строгим и как бы вопрошающим взглядом. Под портретом воспроизведен автограф игуменьи: «Мария грешная».

В издании А. Брайковского помещена репродукция с неизвестного нам оригинала, возможно литографии. На овальном поколенном портрете игуменья Мария представлена сидящей в кресле с большим наперсным крестом. Правая рука с четками покоится на подлокотнике. Сравнительно молодое спокойное лицо игуменьи с большими печальными глазами полно доброжелательности. Для этого портрета характерна легкая, располагающая улыбка.

В 1999 г. у москвички Г. В. Черепковой Бородинским музеем был приобретен фотографический портрет игуменьи в формате визитка», представляющий собой фоторепродукцию начала XX в. (фото Грибова, Москва, Волхонка) с неизвестного нам оригинала, очень близкого к воспроизведенному в издании А. Брайковского. Особая ценность этой редкой фотографии (ГБМ—4148) заключается в том, что она, благодаря хорошему качеству фотоотпечатка, дает представление даже о технике исполнения оригинала (вероятно, карандаш и гуашь). В настоящее время эта реликвия экспонируется на выставке «Бородино. За Веру, Царя и Отечество».

И, наконец, еще один портрет, также не относящийся к произведениям изобразительного искусства, но достойный внимания. Речь идет о редком фотопортрете игуменьи Марии из фондов Бородинского музея-заповедника, который в свое время экспонировался в главной экспозиции на выставке «Поле Русской Славы», (ГБМ—1552/Ф-392, 17,5x15,0 см), а в настоящее время экспонируется в Доме-музее игуменьи Марии. Трудно сказать, когда был сделан этот фотоотпечаток, скорее всего, еще до революции. По сведениям А. А. Смирнова, эта фотография была сделана с дагерротипа, принадлежавшего потомкам семьи Тучковых^{ix}. Дагерротип же был сделан, очевидно, в 1840-х годах. Может быть, это самое дорогое, самое живое и истинное для нас изображение игуменьи, потому что фотокамера беспристрастно, объективно запечатлела ее именно такой, какой она была в тот миг своей горестной земной жизни. Игуменья Мария сидит за небольшим столом, облокотившись на него, подперев голову рукой. Ее немолодое лицо с живым взглядом выразительных глаз, ее осанка полны достоинства и благородства. Глядя на этот фотопортрет, запечатлевший ее житейскую мудрость, какую-то особую притягательную силу, невольно вспоминаешь слова одного господина, сказанные в адрес игуменьи Марии: «...Кто ее знал хотя немного, тот не забудет ее...»^x

Остается открытым вопрос о светском портрете М. М. Тучковой. К сожалению, такого не имеется в фонде ИЗО ГИМ, включая коллекцию миниатюр; специалистам отдела он неизвестен. Но, по словам сотрудника отдела Т. А. Селиновой, она встречала некогда статью покойного В. М. Глинки, опубликованную в одном из выпусков академического сборника «Памятники культуры. Новые открытия», в которой он упоминает о светском портрете М. М. Тучковой. Эта статья, возможно, прольет свет на интересующий нас портрет.

Воссоздать светский образ М. М. Тучковой попытались сестры возрожденного в 1992 г. Спасо-Бородинского монастыря. В середине 1990-х годов ими был написан акварельный поясной портрет М. М. Тучковой в традициях миниатюрного портрета 1820-х годов. Он навеян романтическими образами русских женщин-дворянок, созданными такими известными мастерами как П. Ф. Соколов, К. Гампельн, Н. А. Бестужев. Портрет воспроизведен в цвете в альбоме, изданном монастырем в 1999 г.^{xi}

Остается неизвестным для нас и «превосходно нарисованный карандашом и гуашью» портрет игуменьи Марии, который находился в свое время в Императорском дворце в селе Бородине и который упоминается в описании сокровищ дворца, сделанном Д. Ульянинским и В. Шейманом^{xii}. Не он ли репродуцировался в фотоателье Грибова в Москве в начале XX в.?

Остается неизвестной и судьба портрета игуменьи Марии, подаренного ею лично наместнику Троице-Сергиевой Лавры отцу Антонию. Об этом портрете упоминает Т. Толычева (с. 68). Как видно, на многие еще вопросы, связанные с иконографией М. М. Тучковой — игуменьи Марии, предстоит ответить.

Главным результатом работы является, конечно, выявление двух ранее неизвестных нам прижизненных живописных портретов игуменьи Марии из фонда ИЗО ГИМ. Сопоставление одного из выявленных портретов с портретом из фондов Бородинского музея-заповедника, проведенный сравнительный анализ позволили точнее датировать наш портрет, соотнести его во времени с прижизненным изображением игуменьи Марии, определить его художественные достоинства. Настоящая исследовательская работа поставила ряд вопросов, ответ на которые позволит намного расширить наше представление об иконографии этой замечательной женщины.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Толычева Т. Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. М., 1875; Тимофеев Н. П. По полям Бородина: Очерк из путевых заметок и впечатлений. М., 1880; Борисов К. А. Воспоминание о Спасо-Бородинском монастыре и его окрестностях М., 1885.

ⁱⁱ Комарницкий В. И. Спутник экскурсанта № 1. Бородино. М., 1911; Брайковский А. А. Монастырь во имя Спасителя на Бородинском поле и его основательница. М., 1912; Путеводитель по Александровской (Московско-Брестской) железной дороге. М., 1912; Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. Альбом. М., 1913.

ⁱⁱⁱ Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты XVIII—XIX столетий. Т. IV. Вып. 4, № 201. СПб, 1908.

^{iv} Ровинский Д. А. Словарь русских гравированных портретов. СПб, 1872; Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1—4. М., 1912—1913; Выставка 1812 год: Каталог под ред. В. Божовского. М., 1913; Адарюков В. Я. Словарь русских литографированных портретов. М., 1916.

^v Большаков С. Игуменья Мария Тучкова, основательница Спасо-Бородинского монастыря // Русский рубеж. 1986, № 146; Быченкова А. И. «И я не знала сна... // Крестьянка. 1989, № 8; Она же. Прекрасная Маргарита» // Отчизна. 1991, № 3; Винокурова Е. В. Бородино: Фотопутеводитель. М., 1991. С. 94; Анфилатов В. Е. Дом игуменьи Марии: Буклет. Можайск, 1995. Третьякова А. Российские богини. М., 1996. С. 167.

^{vi} Портрет воспроизведен в цвете в издании: Спасо-Бородинский женский монастырь. М., 1999. С. 33 и в черно-белом варианте: Кайдаш С. Вечная любовь Маргариты Тучковой // Наука и религия. 1990. № 3. С. 13.

^{vii} Толычева Т. Указ. соч.

^{viii} Толычева Т. Указ. соч.; Брайковский А. А. Указ. соч.

^{ix} Смирнов А. А. Вечная любовь Маргариты Тучковой // Наука и религия. 1990, № 8. Фотопортрет воспроизведен на с. 25. Он же воспроизведен в издании: Спасо-Бородинский женский монастырь (М., 1999) на с. 25.

^x Толычева Т. Указ. соч. С. 57.

^{xi} Спасо-Бородинский женский монастырь. С. 25.

^{xii} Ульянинский Д., Шейман В. Бородинское Его Императорского Величества имение. М., 1914. Этот портрет игуменьи Марии принадлежал вначале императрице Александре Федоровне, супруге Николая I, затем императрице Марии Александровне, супруге Александра II.